

ВЕК НЫНЕШНИЙ и ВЕК МИНУВШИЙ

В СЕРЕДИНЕ прошлого века русскому путешественнику Ковалевскому потребовалось несколько недель, чтобы добраться от Каира до Хартума, столицы Судана. Самолет Суданского агентства воздушных сообщений доставил нас из одного города в другой за четыре часа. Вот что значит двадцатый век!

В Хартуме к услугам приезжих несколько гостиниц. Лучшая из них — «Гранд отель», на берегу Голубого Нила. Климат в Судане жаркий, но обитатели гостиницы этого почти не чувствуют. В большинстве номеров установлены кондиционеры. Поворот ручки — и под мерное гудение мотора в комнату врывается струя прохладного воздуха. Если вам кажется, что в номере душно, поставьте ручку на другое деление. Кондиционер будет не только подавать охлажденный воздух, но и вытягивать коммнатный. Это тоже двадцатый век.

Большинство товаров в магазинах Хартума — импортные. Вот за зеркальной витриной кокетливо сверкают никелем английские газовые зажигалки. В другом магазине вам предложат английскую же электробритву. В третьем за приличную сумму вы можете стать обладателем миниатюрного японского радиоприемника на полупроводниках. И, наконец, если у вас очень много денег, можно купить американский автомобиль предпоследней марки, по размерам своим приближающийся к океанскому лайнеру.

...Наша машина быстро мчалась по шоссе вдоль Нила. Еще издали нас заинтересовало довольно странное сооружение. Подъехав ближе, мы увидели поистине библейскую картину. Горбатый африканский бык медленно ходил по кругу, вращая большое деревянное колесо. Через несложную систему передач оно в свою очередь приводило в движение другое колесо, подвешенное над рекой, к которому были привязаны ведра. При вращении колеса нижняя его часть погружалась в воду и ведра наполнялись. Поднятые дальнейшим вращением колеса на несколько метров вверх, ведра опрокидывались, выплескивая воду в подставленный деревянный желоб. Из него вода по узкой канавке самотеком шла на поле. Это была сакия — сооружение двадцатого века... до нашей эры. Еще во времена египетских фараонов суданские феллахи с помощью таких вот приспособлений орошали свои поля. Шли годы и столетия. Десятки поколений сменились на берегах Нила. Но неизменными остались сакии. И сейчас над могучей рекой разносится их жалобный скрип точно так же, как тысячи лет назад.

Странное сочетание современного и чуть ли не допотопного в Судане поражало нас на каждом шагу. Однако в распределении этих крайностей мы вскоре увидели строгую закономерность. Английским колонизаторам пришлось убраться из страны шесть лет назад. Все современное, удобное, приятное было ими сделано для себя. А старое, тяжелое, вредное было оставлено для суданцев. И нас уже больше не удивлял вид некоторых столичных улиц, на которых вдоль асфальтированных мостовых не

было тротуаров. Зачем они? Для автомобилей тротуар не нужен, а суданцы пусть топают по песку, так им даже мягче.

НА УЛИЦАХ ХАРТУМА

На одной из центральных улиц Хартума над огромным зданием развевается английский флаг. Здесь под одной крышей удобно уживаются британское посольство, контора англо-голландского нефтяного концерна «Шелл» и ряд торговых компаний. Обитатели этого большого дома действуют, как винтики одного слаженного механизма. Компании поручают охрану своих интересов посольству, а посольство через служащих компаний может проводить те операции, которые для официальных представителей порой невозможны.

Недалеко от английского посольства на набережной Голубого Нила стоит белый Дворец Республики. Раньше английский генерал-губернатор рассылал отсюда приказы по всей стране. Теперь президент Судана принимает здесь иногда английского посла «по его просьбе». Раньше английский «Барклайз бэнк», отказывая в кредитах, душил промышленность и торговлю Судана. Теперь в стране

В. АБРАМОВ

ХАРТУМ — ГЕЗИРА —

есть несколько национальных банков. Правда, капитал их невелик, но роль в экономической жизни страны они играют большую.

Новое встречает нас на каждом шагу. Вот перед светофором вместе с английским «Хамбером» и американским «Фордом» остановился советский «Москвич». В магазине игрушек рядом с английской куклой весело плавают «Золотая рыбка» производства Ленинградского совнархоза. А перед кинотеатром «Ватания» на выносном лотке разложены номера журнала «Культура и жизнь», книги советских писателей, томики сочинений Чехова и Толстого на английском языке.

В центре Хартума — рынок. Богат свежими продуктами рыбный ряд. Но если вы будете приходить сюда несколько дней подряд, то заметите, что торгуют рыбой одни и те же люди. Кто они, рыбаки? Судя по холеным рукам и бойким манерам — непохоже. Это перекупщики. А рыбаки только привозят улов на рынок. С одним из них — Сулейманом Мохаммедом Салехом — мы познакомились. Артель Сулеймана состоит из пяти человек. Чтобы нанять лодку и купить сети, рыбакам пришлось занять денег у ростовщика. Каждый раз в счет займа артель отдает ему шесть одиннадцатых своего улова. Остальные пять частей делятся между рыбаками. Вслед за ростовщиком в карман рыбаков запускает руку перекупщик. Часто ростовщик и перекупщик — одно лицо.

ГЕЗИРА

— Вы еще не были в Гезире?! — воскликнули наши суданские друзья, когда однажды зашел разговор об этом районе. — Вы должны обязательно побывать там. Ведь Гезира — наша гордость, а в прошлом — и наше проклятие.

«Гезира» — по-арабски «полуостров». Суданцы называют этим словом также обширный массив, разделяющий Белый и Голубой Нил до их слияния у Хартума.

Впервые это слово замелькало на страницах британских газет лет сорок назад. Тогда англичане решили превратить междуречье Голубого и Белого Нила в поставщика хлопка для своей текстильной промышленности. Жаркий климат, плодородные почвы и близость мощных источников орошения благоприятствовали этому замыслу.

Близ города Сеннар на Голубом Ниле в 1925 году была сооружена плотина и проложена большая сеть оросительных каналов. Деньги на строительство были получены по английскому займу. Для его погашения и выплаты процентов колониальная администрация увеличила налоги. Так суданцы оказались ограбленными в пользу фабрикантов Манчестера.

Но построить плотину еще полдела. Надо было заставить суданцев возделывать хлопок. Для этого англичане за мизерную плату фактически отобрали у крестьян землю. Затем бывшим владельцам было милостиво разрешено арендовать свою же землю.

Гезира быстро превратилась в важный район по производству высококачественного хлопка. Монопольное право на его закупки получили английские акционерные компании «Судан плантейшн синди-

кейт» и «Кассала коттон компани». За выращенный с огромным трудом хлопок они платили феллахам жалкие гроши, которых едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду.

После завоевания Суданом независимости в 1956 году все земли, принадлежавшие ранее колониальной администрации и английским компаниям, перешли в руки государства. Для правильной эксплуатации оросительной системы было создано правительственное «Бюро Гезиры». В его функции вошли также снабжение арендаторов сортавыми семенами, сельскохозяйственным инвентарем и покупка хлопка. Первое время «Бюро Гезиры» получало 20 процентов денег, вырученных от продажи хлопка, правительство — 40 процентов и арендаторы — 40 процентов. Два года назад правительство пошло навстречу требованиям Союза арендаторов и увеличило их долю до 42 процентов.

...Маленький восьмиместный самолет Агентства воздушных сообщений Судана за час доставил нас из Хартума в самое сердце хлопкового края. Вот внизу зазеленели квадраты плантаций, перерезанные магистральным каналом, — дорогой, по которой идет самый ценный груз пустынной страны — вода.

МИСТЕР «НО»

...Два дня путешествия по железной дороге — и мы в Гедарефе. Внешне город ничем не примечателен. Но это центр крупнейшего в стране района по производству дурры¹. После душного вагона автомобильная поездка на одну из ферм доставила нам истинное удовольствие.

Арендатор Ибрагим Хасан Осман, пожилой человек, охотно ответил на все наши вопросы. Земля в районе Гедарефа принадлежит государству. Сам он арендует 400 гектаров земли, на которой возделывает дурру. «400 гектаров — да ведь это же огромное имение», — подумал я. Однако внешний вид арендатора никак не вязался с образом преуспевающего дельца. На вопрос о доходах Ибрагим печально покачал головой.

— Площадь большая, это верно, — сказал он. — И урожаи бывают неплохие. Но на рынке дурры стоит дешево, а расходов много. Тут и арендная плата, и налоги. На быках всю землю не вспашешь. А аренда машин стоит очень дорого. Еще дороже ручная уборка дурры. Чтобы собрать и обмолотить урожай, приходится нанимать много рабочих.

Ручную уборку мы увидели здесь же. Худые, покрытые потом и пылью рабочие серпами срезали жесткие стебли, связывали их в снопы и сносили в большие копны. Здесь дурра будет лежать, пока не уберут все поле. Затем начинается обмолот.

Молотят дурру вручную. Вооружившись длинными тонкими палками, рабочие бьют по ее кудрявым метелкам. Потом зерно провеивают на ветру. За день таким образом рабочий может намолотить один-два мешка по 90 килограммов каждый.

— И сколько же рабочий получает за свой труд? — поинтересовался я у Ибрагима.

— Это зависит от его выработки, но в среднем — 15 пиастров в день.

В Гедарефе у меня кончились московские сигареты. Пришлось перейти на местные. В небольшом магазинчике взял для пробы одну пачку.

— Сколько стоит? — спросил я продавца.

— Шестнадцать пиастров, сэр.

¹ Дурра — хлебное сорго. Зерно используется в пищу в виде крупы и муки.

ГЕДАРЕФ

...Нашим гидом по району Гедарефа был господин Латиф, молодой веселый агроном. Образование он получил в США и в эти края приехал недавно. По отзывам фермеров, дело свое знает неплохо. На улицах города ему буквально прохода не давали многочисленные знакомые в красивых белых одеждах. Веселый нрав агронома, видно, уже успел завоевать ему симпатии местных жителей.

Во время поездок по фермам я обратил внимание на невысокие холмики, разбросанные по полям в одиночку и группами. Они густо заросли травой и сорняками и производили впечатление заброшенных братских могил. Впрочем, несколько раз мне приходилось видеть и свежие насыпи на недавно убранных полях.

— О, это наш традиционный способ хранения дурры, — весело ответил мне господин Латиф. — Мы собираем ее так много, что сразу не можем вывезти. Железная дорога занята перевозкой хлопка, который созревает примерно в то же время, что и дурра. Поэтому фермеру временно приходится закапывать зерно в землю. Эти подземные хранилища мы называем матмурами. Кстати, зерно в них может храниться три-четыре года.

Мне стало как-то не по себе... Ведь это действительно могилы, в которых похоронен труд сотен и тысяч людей. И не просто похоронен, а варварски загублен. Зерно в земле неизбежно должно испортиться. Я не удержался и высказал свои мысли господину Латифу.

— Это правда, — благодушно подтвердил агроном. — В матмурах гибнет до десяти процентов запасов дурры. Около сорока процентов зерен теряет всхожесть. Но что поделаешь? На поверхности зерно портится еще больше.

Мы заговорили об элеваторе, который правительство Судана намеревается построить в Гедарефе с помощью Советского Союза. Что думает об этом господин Латиф?

— Конечно, элеватор очень важен и необходим. Он сохранит много зерна от порчи и сделает нашу дурру более конкурентоспособной на внешнем рынке, — начал свою речь Латиф, — но... сейчас еще не время строить элеватор. Нам еще надо поднимать сельское хозяйство и начинать надо с механизации уборочных работ.

— Но ведь даже та дурра, которую убирают вручную, портится в земле. Механизация уборки ничего не изменит. А элеватор даст стимул к дальнейшей механизации сельского хозяйства.

— Нет, надо сначала механизировать уборку, а зерно можно пока хранить и в матмурах.

В дальнейшем разговор продолжался в том же духе. Господин Латиф охотно признавал все положительные качества элеватора, а затем следовало классическое «но». При этом наш собеседник произносил это короткое слово с таким чувством, так звучно, что мы тут же прозвали его между собой мистер «Но».

Признаться, мы не видели логики в его рассуждениях и решили больше не спорить. Однако вскоре мы убедились, что глубоко ошибались.

НА АУКЦИОНЕ

Собрав урожай дурры, арендатор стремится хотя бы какую-то ее часть продать немедленно — надо уплатить налоги, арендную плату, погасить долги. Дурра продается на аукционе в Гедарефе.

Что такое аукцион, мы знали, пожалуй, только по знаменитым страницам из «Двенадцати стульев»

Ильфа и Петрова. И вдруг — такая возможность! Конечно, мы не могли ее упустить.

Аукцион в Гедарефе — это большая площадь, разбитая на полоски. На каждой полоске — зерно одного качества.

Мы приехали на аукцион рано, но по площади между мешками с дуррой уже расхаживали купцы, осматривали зерно, записывали что-то в свои книжечки. К нашему удивлению, среди купцов мы узнали многих друзей господина Латифа. Тут же стояли продавцы. Их было гораздо больше, чем покупателей.

Но вот подали знак, и все устремились в здание торгов. В просторном зале на возвышении расположились председатель торгов и два помощника. Белоснежные богатые одежды купцов в партере резко контрастировали с лохмотьями арендаторов, разместившихся в амфитатре.

Торги проходили быстро. Председатель называл номер полоски и количество дурры, стоящей на ней. Купец предлагал цену. Получив согласие продавца, переходили к следующей партии.

Того ажиотажа и конкуренции, которые разгорелись вокруг стульев Воробьянинова, не наблюдалось. Было похоже, что купцы заранее сговорились, кому и за какую цену брать полосу. Лишь два или три раза обычная процедура была нарушена отказом фермеров продать зерно по низкой цене.

С одним из них мы разговорились после аукциона. Вид у фермера был подавленный, он уже, кажется, раскаивался в своем «бунтарстве».

— Вряд ли я что-нибудь выиграю сегодняшним отказом, — поделился он своими заботами. — Ведь за место на аукционе надо платить, за хранение зерна в городе тоже надо платить. Если в следующий раз я и продам его немного дороже, разница в цене не покроет расходов.

Мы передали фермеру мнение господина Латифа об элеваторе и спросили, что думают по этому поводу арендаторы.

— О, это было бы спасением для нас! — воскликнул он. — Элеватор сохранил бы зерно, дал бы нам оружие против купцов! А господин Латиф... Да он тоже из их шайки!

Так вот оно что! Теперь сразу стали понятны и кажущаяся непоследовательность в рассуждениях господина Латифа и его многочисленные «но», когда речь заходила о строительстве элеватора. Логика в его рассуждениях была, золотая логика!

* * *

Африка пробудилась. Африка строит новую жизнь. Перед молодыми африканскими государствами стоят грандиозные задачи. Надо развивать сельское хозяйство, промышленность, транспорт. Надо строить фабрики, мосты, элеваторы. Но, к сожалению, встречаются еще в Африке деятели, которые идут наперекор очевидным и необходимым требованиям. Свои узкокорыстные интересы они ставят выше интересов родины. Что им до прогресса, до развития национальной экономики, если это снижает их прибыли! Пусть уж лучше все останется по-старому, лишь бы текли в карман денежки. Сегодня они выступают против строительства элеватора, завтра потянут свою страну в военный блок, а послезавтра станут национальными чомбе и мобуту. Такие люди есть, хотя их не так уж много. За полтора месяца пребывания в Судане мы встретили лишь нескольких представителей этого «племени».